

Религиозно-патриотическая газета Православного Прихода
во имя прп.Серафима Саровского

№4 (160)
2020

Издается
с 2004 года

по благословению
Высокопреосвященнейшего Аксия, архиепископа
Южно-Сахалинского и Курильского

САРОВСКИЙ листок

«Обрети мир в своей душе, и
вокруг тебя спасутся тысячи»
Прп. Серафим Саровский

Новая жизнь

Мы поем Христово Воскресение, и вот только что словами святого Иоанна Златоустого мы провозглашали победу жизни над смертью: Где, ад, твое жало, где, смерть, твоя победа? Воскрес Христос – и ни один мертвец не остался в гробе... А вместе с этим мы видим собственными очами, мы слышим страшные вести о том, что смерть все еще косит вокруг нас, что умирают ближние, умирают молодые, умирают дорогие – где же это благовестие о победе жизни?

Смерть бывает разная. Бывает телесная смерть, но бывает смерть еще более страшная: разлука, разлука окончательная, разлука вечная, непреодолимая разлука. И эта смерть, в течение тысячелетий до прихода Христова, была опытом всего человечества. Оторвавшись от Бога, потеряв Бога как источник своей жизни, человечество стало не только умирать телом, но стало уходить окончательно, навсегда от общения с Ним. Умерев без Него, люди оставались мертвыми без Него.

И вот Христос, Сын Божий, Бог Живой пришел на землю, Он жил человеческой жизнью. Будучи Богом Живым, самой Жизнью, Он приобщился всему, что составляло судьбу человека: Он жаждал, был голоден, уставал; но страшнее всего – в конечном итоге Он приобщился умирающей и смерти. Как Бог Он умереть не мог; но по любви к нам Он разделил с нами нашу судьбу. С Богом остался и был отвержен людьми; с людьми не разлучился и на Кресте – о, на Кресте Он сказал самые страшные слова истории: Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?.. И умер, умер: сама Жизнь умерла, потух свет, который Свет по существу...

И вот сошел Христос Своей душой в ту бездну богооставленности, где нет Бога. Когда Он вошел в эту страшную область, Он Собой, Своим Божеством, Жизнью вечной, Светом неумирающим заполнил все. И эта смерть навсегда упразднена; теперь смерть мы называем успением, временным сном. И когда умираем, мы уходим не в бездну отчаяния и Богооставленности, а к Богу, возлюбившему нас так, что Он Сына Своего единородного, единственного, возлюбленного дал, чтобы мы поверили в Его любовь!

И можем ли мы в этой любви сомневаться, когда мы видим, знаем, чего эта любовь Богу стоила: жизнь Христа, смерть Христа, отверженность людьми, отверженность Богом, ужас Гефсиманского сада, когда Он ждал смерти, зная, что Его предал близкий ученик, зная, что через несколько

часов Петр, другой Его ученик, от Него отречется и что все Его оставят умирать в одиночестве, умирать одному... И этим Он нам говорит: Смотрите: и это Я на Себя принял. Я умер, чтобы вы верили, что вы любимы Богом, и потому что вы Богом любимы, вы спасены... Потому что спасение наше не от нас зависит, а от этого чуда любви...

А мы – чем можем отозваться на эту любовь? Мы можем эту любовь принять благоговейно, трепетно в сердца наши, мы можем с изумлением предстоять перед этим чудом непобедимой Божественной любви. И если мы это поняли, тогда мы можем всю жизнь благодарить, превратить всю жизнь в благодарение: не по долгу поклоняться Богу, не по необходимости исполнять Его заповеди, а сказать: Господи! Если Ты нас так любишь, то можно Тебя почитать, любить, слушаться, потому что Твой путь – путь жизни...И всю жизнь, всю без остатка сделать не словом благодарности, не песнью благодарности, а живой благодарностью: так любить каждого человека, как его возлюбил Бог: любой ценой и до конца.

И если мы так научимся любить, то мир наш станет новым, другим миром; тогда придет к нам Царство Божие, Воскресение, новая жизнь. Но для этого каждый из нас должен умереть – не телесной смертью и не ужасной смертью разлуки, а отказом от всего себялюбия, от искания своего открыться Богу, открыться другим, жить для других. Потому что воскреснуть вечной жизнью может только то, что сбросило с плеч, как старую, ненужную одежду, все временное и тленное... ТАК будем жить и такой мир создавать, и тогда возрадуется о нас Господь, и мы с радостью взглянем Ему и каждому человеку в лицо...

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Антоний, митрополит Суражский

Самая памятная Пасха

Пароль, который делает людей братьями

Протоиерей Федор Бородин, настоятель храма святых бессребреников Космы и Дамиана на Маросейке:

Весной 1989-го года после первого года обучения в семинарии я со своими однокурсниками (сейчас это два прекрасных священника из Нижнего Новгорода) отправился на Светлой седмице в Сухуми. Сначала остановились в Сочи, у тети одного из друзей, а потом уже в Сухуми на электричке, которая шла вдоль побережья.

Нам сказали, что там дом, где живет некая монахиня Ольга, которая в течение многих лет принимала паломников (за что страдала от КГБ), давала им кров, кормила и объясняла, как доехать до близлежащих святых мест: до села Комань, где пострадал святой мученик Василиск. На месте его гибели - развалины храма VI века, и из скалы бьет источник. Там окончил свои дни Иоанн Златоуст. И там же неподалеку место третьего обретения главы Иоанна Предтечи.

Люди, которые нам дали адрес монахини Ольги, сказали, что не нужно ей говорить, откуда мы получили о нем информацию.

Мы ехали туда, молились, пытались сочинить историю, объясняющую, откуда мы знаем этот адрес, и почему нас должны приютить. Обратное в Сочи уже не успеваем доехать, если что - придется ночевать на улице.

Вот мы нашли дом, позвонили в звонок у калитки. Вышел очень скромно одетый мужчина, чуть старше средних лет, с бородой. «Христос Воскресе!», - приветствовали мы его, собираясь затем рассказать историю, объясняющую, почему нас надо приютить. Он не дал нам что-либо

сказать еще, буквально перебил наши попытки объяснения: «Воистину Воскресе! Проходите, ребята». Даже не стал слушать ни откуда мы, ни от кого мы - три молодых человека, которых надо разместить, накормить.

Нас разместили в лучшей комнате в доме - на втором этаже. Сами хозяева жили внизу, а самую светлую, самую красивую комнату отдавали паломникам.

Но прежде - хорошо накормили, поговорили с нами. Мы, как все молодые студенты, были уверены, что уже все знаем, во всем разбираемся. Но рядом с этим человеком, просто одетым, скромным в общении, мы почувствовали себя абсолютно ничего не знающими, такова была его удивительная эрудиция и умение вести разговор.

На следующее утро нас рано подняли, накормили завтраком и сказали, куда пойти, где сесть на автобус. Тогда я для себя в этой пасхальной радости открыл, что все христиане должны быть вот такими братьями друг другу, независимо от того, где они живут, что возглас: «Христос Воскресе!» - это первая часть пароля, а «Воистину Воскресе!» - это вторая часть пароля. Этому меня и научили прекрасные люди из Сухуми.

Пасха конца 80-х: ощущение новой эпохи

Александр Кравецкий, кандидат филологических наук старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН:

Пасхальная ночь конца 80-х годов, Москва, Антиохийское подворье, масса народа, пришедшего на службу. Настроение у всех радостное, доброжелательное даже - у милиционеров в оцеплении, через которое все верующие проходят в храм.

Вдруг я понимаю, что в толчее кто-то из зна-

комых потерялся, не прошел с нами.

Иду назад, за оцепление и обращаюсь к милиционерам: «Мне нужно выйти, встретить знакомых, запомните меня, пожалуйста, я вернусь». И ловлю себя на том, что впервые в жизни говорю милиционерам это: «Вы меня, пожалуйста, запомните».

А ведь еще год назад при приближении к милиционерскому оцеплению около храма ничего кроме опасения, что не пустят (молодежь пытались не пускать), я не испытывал. А уж того, чтобы товарищи из оцепления тебя запомнили и записали не хотелось совсем. И вдруг это ушло. Не могу забыть этого ощущения новой эпохи, когда идешь в храм мимо милиционера и не хочешь стать невидимым.

Не бояться жизненных обстоятельств

Константин Эггерт, член британского Королевского института международных отношений, главный редактор радио «Коммерсантъ FM»:

Самая памятная Пасха - Пасха 2006 года. Она праздновалась буквально через две недели после кончины моей мамы. Мамин уход, который должен был меня морально раздавить, придал мне силы: я вдруг почувствовал, что мама действительно ушла в жизнь вечную.

И когда пришла Пасха, на душе было очень светло. Мне кажется, эта Пасха стала переломным моментом в моей внутренней жизни, потому что Господь помог мне меньше бояться не только окончания нашего земного пути, но и вообще каких-то жизненных обстоятельств, и больше на Него уповать.

Пасха в карауле

Андрей Десницкий, доктор филологических

наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН:

Мне очень запомнилась Пасха 1988 года. Встречал я ее в армии, стоя в карауле. Смена была с 11 вечера до часу ночи. Так что в полночь я как раз находился на посту. И очень был рад этому: я мог спокойно молиться. В тот момент я остро ощутил, что, хоть и стою здесь один, одновременно нахожусь с огромным количеством родных и близких мне людей, которые в этот момент тоже молятся. Это гораздо острее, чем когда находишься в церкви, где все это видимо.

В первое пасхальное утро, часов в 11, мы - разводящий и несколько караульных - шли по улицам небольшого южнорусского городка, где проходила моя армейская служба.

Время было еще советское, поэтому все, связанное с Церковью, было не то, чтобы запрещено, но вслух об этом говорить не рекомендовалось. Свободно о вере могли говорить бабушки, с них спроса вроде как и не было.

К нам подошла бабушка, которая стала нас поздравлять: «Христос Воскресе!» Протянула крашеные яички. Всегда голодные солдаты взяли их с удовольствием. А наш разводящий, усмехнулся и произнес: «Воскрес, и что нам от этого? Наш бог - дембель».

Так точно сформулировал: солдатская жизнь - вокруг дембеля, как в целом земная жизнь - вокруг ожидания чего-то материального, что должно произойти с человеком. Ничего более высокого он, если не верит в Бога, как правило, не замечает. А контраст этого диалога с ночной молитвой запомнился мне на всю жизнь...

Любовь сильнее смерти

Как христиане относятся к смерти? Почему боятся ее и, одновременно, ждут ее — чая воскресения мертвых, как поется в Символе веры? Почему скорбят об умерших и в то же время — празднуют дни кончины святых? Почему просят о безболезненной кончине и, в то же время, страшатся уйти из жизни внезапно? В этих, казалось бы, парадоксальных сочетаниях мы пробуем разобраться вместе с главой Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, викарием Святейшего Патриарха Московского и всея Руси епископом Орехово-Зуевским Пантелеимоном (Шатовым).

Смириться с исчезновением?

— Владыка Пантелеимон, каким был Ваш первый опыт соприкосновения со смертью?

— Когда мне было шесть лет, умерла моя бабушка. Я уезжал на дачу летом и когда вернулся, то не сразу заметил, что нет моей бабушки, которая жила с нами. Была уже осень, потому что я помню, что папа топил печку. И вот около этой печки я у него спрашиваю: «Пап, а где бабушка?» Он говорит: «Она умерла». — «А как это умерла?» — «Ну, она уснула». — «Раз уснула, то когда она проснется?» — «Она никогда не проснется.» Мне стало немножко страшно, и я спросил: «И что?» Ее, говорит папа, закопали. Мне стало совсем не по себе: «Как же это?...» Отец стал объяснять: «Ну как, сынок, все же умирают». Тут мне сделалось еще страшнее! Я тогда уже с замиранием сердца спрашиваю: «А я?...» — «И ты тоже умрешь, только это будет не скоро, не бойся.»

И с тех пор я стал над этим задумываться. Меня очень любили родители, поэтому я рос самовлюбленным, эгоцентричным человеком, и отчасти по этой причине меня волновала собственная смерть, вопрос моего собственного абсолютного исчезновения. С этой мыслью я не мог смириться, ужас смерти мучил меня очень долгое время. Помню, как ребенком прибежал к маме на коммунальную кухню, где она стирала или готовила, и спрашивал: «Мама, я умру?» Она меня утешала тем, что это будет очень не скоро. Эти слова, конечно, не могли меня утешить, но сама будничная обстановка кухни, голос мамы успокаивали меня и отвлекали от страшных мыслей. Уже будучи совершеннолетним, я, бывало, ночью не мог уснуть, просто готов был кричать, кусал подушку, чуть ли не головой об стенку бился, потому что представление, что тебя не будет, и все кончится, было ужасающим!

После этих приступов, которые случались пе-

риодически, я, конечно, начинал очень дорожить тем, что у меня было, старался совершать какие-то хорошие поступки. Но все равно ужас возвращался — до тех пор, пока я не пришел к вере.

— Приход к вере был связан с этим страхом смерти?

— Нет, к вере я пришел, поняв, что существует другая реальность, помимо той, в которой я живу. Причем я узнал об одной стороне этого другого мира — ощутил реальность ада. И от противного стал рассуждать: если есть адское состояние, то есть и Бог. И тогда крестился. После этого страх смерти от меня ушел.

— Атеистическая пропаганда утверждает, что страх смерти — это именно то, что приводит людей к религии, так как вера в «сказки о загробной жизни» — способ успокоить человека, побороть этот страх. Что на это можно сказать?

— Есть такой анекдот: в лаборатории сидят, привязанные, две подопытные собачки, и новенькая спрашивает другую: «Что такое условный рефлекс?». Та отвечает: «А вон, видишь, стоят два болвана в белых халатах? Как только загорится та лампочка, они сразу же принесут нам поесть...». Вот такая для нее причинно-следственная связь.

Так и тут: причинно-следственная связь обратная. Человек боится смерти, потому что смерть противоестественна. Даже Господь страшился смертных страданий и молился Отцу: Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты (Мк 14:36).

— Мысль о том, что смерть противоестественна, неочевидна для многих людей. Почему христиане считают иначе?

— Человек ведь не телевизор: выключили, и он погас. Телевизор просто функционирует, он не осознает, что с ним происходит. Но я же понимаю, кто я, обладаю какой-то степенью свободы. Зачем эта свобода мне дана, зачем мне дана способность мыслить, осознавать себя? Как с этим быть? Даже когда человек видит, как умирают другие люди, он не понимает, не может осознать, как это

возможно в отношении него самого.

— Поэтому люди зачастую вытесняют из сознания мысли о смерти, о конечности земной жизни...

— Конечно. Почему, например, на Западе сегодня отпевают и хоронят в закрытых гробах? Смерти как бы нет. Страдания как бы нет — поэтому у нас не любят посещать одиноких людей, больных, видеть инвалидов... Получается, такой человек не соприкасается с реальностью на самом деле — вся жизнь превращается в какой-то сон, непрерывное стремление к удовольствиям и бегству от всего, что может быть неприятным. Современные люди закрывают глаза на смерть, они хотят жить вечно той суетой, тем опьянением страстями, в котором они пребывают (тщеславие, погоня за карьерой — это тоже род пьянства). Но рано или поздно они протрезвеют.

Страх: нормально ли бояться смерти?

— О своей смерти можно думать абстрактно, и она может не вызывать особых эмоций, поскольку кажется человеку слишком нереальной, далекой...

— Смерть действительно становится страшна тогда, когда ты видишь, как умирают твои близкие. Для санитаров, которые работают в морге, покойник — это объект, они не видели его живым, не слышали его голоса, не видели его глаз, не испытывали к нему никаких чувств. А когда умирает кто-то близкий, бывает страшно, бывает тяжело перенести.

Хотя, конечно, нормальный человек не может отнестись спокойно к телу мертвому, холодному, недвижимому. Я помню свой первый подобный опыт: когда я пошел работать в больницу санитаром, и ночью меня вызвали выносить покойника — это было еще тогда, когда я не знал Бога и не верил в Него. Я помню эту ночь как одну из самых страшных ночей в моей жизни. Я не мог заснуть и думал: лишь бы больше не было вызовов. Потому что снова пойти в этот морг, где лежат эти голые тела на цинковых столах, нести туда еще одного покойника — мне было ужасно тяжело об этом даже подумать.

Хотя люди разные: один мой друг, который позже стал священником, иногда приходил специально в этот морг работать санитаром, чтобы вспомнить о смерти.

— А для христианина нормально бояться собственной смерти?

— Существует разный страх смерти. Есть страх такой, какой был у меня: для человека самовлю-

бленного и к тому же неверующего смерть — конец всему, и этот конец не может быть оправдан никаким самопожертвованием ради других. Есть страх, что ты исчезнешь, — и он естественный: ну как же смириться с тем, что тебя не будет? А есть страх смерти, о котором говорится в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь (Сир 7:39). Этот страх ответа за свои поступки, за свои слова помогает человеку становиться лучше. Конечно, Бог есть Любовь, Он милостив, но Он же есть и Судия праведный. Поэтому, конечно, бояться смерти как ответа перед Ним — это нормально и полезно.

— Но апостол Павел говорил, что не может дожидаться дня, когда разрешится и будет со Христом...

— Верующий человек относится к смерти двояко. С одной стороны, первые христиане писали на могилах: «Радуйся!», воспринимали смерть как конец земных мучений, торжество. Современный нам старец Паисий Святогорец, когда узнал, что у него рак, чуть ли не в пляс пустился: обрадовался, что кончается эта жизнь, и впереди — вечность. И когда умирала моя супруга, она говорила, что не боится смерти, потому что верит, что это будет встреча с милостивым Богом. И даже не боялась оставлять своих детей, поскольку верила, что если Господь ее призывает, значит, Он Сам позаботится о детях, Матерь Божья поможет.

Но, с другой стороны, в смерти есть, конечно, и скорбь, и ужас. Ведь Христос плакал у гроба своего друга Лазаря...

Это удивительным образом как-то совмещается в человеке: ощущение противоестественности смерти, с которой он не может смириться (и это правильно, с этим не надо мириться!), и понимание того, что смерть — это переход к другой, лучшей жизни, встреча с Богом. Последнее помогает ему этот естественный перед смертью страх преодолевать.

— Вы видели когда-нибудь, как умирает настоящий христианин?

— Меня поразила смерть мамы протоиерея Владимира Воробьева. Я был при ее кончине, она знала, что умирает, попрощалась со всеми, благословила своих внуков, передала какие-то свои пожелания. Ей было трудно умирать, каждый вдох давался тяжело, но с ней рядом находились два ее сына, которые поддерживали маму с двух сторон, и мы все вместе молились Богу. А после ее смерти я чувствовал, что осталась открытой дверь туда, куда ушла Евгения Павловна. Это было удивительное чувство!

Моя жена тоже умирала, окруженная детьми, друзьями, мы видели, что она умирает, молились все о ней. Я помню, что пережил после ее смерти, — этого нельзя никак описать или объяснить. Мы жили на даче у отца Владимира, и я пошел в сад, сел на стул и долго сидел в каком-то состоянии, когда не было ни мыслей, ни чувств, но было странное, необыкновенное ощущение какой-то свободы от всего. Я понимал, что сейчас душа моей жены переходит в другой мир, оставляет всё земное. Я отчасти как бы сопутствовал ей.

В смерти есть величие... Когда умирает христианин, когда он осознает, что с ним происходит, а близкие сопровождают его на этом пути, — в этом некая тайна, которая приоткрывается тем, кто остается на земле.

Таким образом, умирание сопряжено и со страхом, и с грустью расставания, и с безобразием разлагающегося тела, но вместе с тем — чего часто не хотят видеть — есть в этом моменте и радость от ожидания полноты бытия, и некое таинство, и величие.

Уверенность: откуда она?

— Что нам дает уверенность в том, что будет воскресение из мертвых, будущая жизнь?

— Уверенность в том, что есть жизнь после смерти, нам дает факт воскресения из мертвых Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. В XXI веке людям особенно легко в это верить, поскольку у нас есть Плащаница, исследованная учеными множество раз, — подлинная ткань, в которую было завернуто тело Христа. Ее подлинность не раз ставилась под сомнение, но сегодня она доказана. Невозможно иначе объяснить ее появление, как только тем, что Господь действительно умер на кресте за нас, как написано в Евангелии, воскрес из мертвых и теперь жив.

— Но разве вера опирается только на Плащаницу?...

— Нет, конечно. Есть еще внутренняя уверенность, убежденность. Например, митрополит

Антоний Сурожский рассказывает о том, что решил раз и навсегда честно убедиться, что Евангелие — это сказки, сел читать и вдруг почувствовал присутствие Христа, хотя не верил в Него. И он понял тогда, что Евангелие — правда, и что раз Христос жив и вполне реально присутствует перед ним, значит Он действительно воскрес и смерть побеждена.

— Поэтому православные и празднуют дни кончины святых, например, Успение Богородицы?

— Именно потому и празднуют, что кончилась эта суeta и началась настоящая жизнь! Успение — это рождение в жизнь вечную. Когда мы смотрим Олимпиаду, мы же празднуем, прежде всего, победу спортсменов в финале, а не на каких-то промежуточных этапах. Так и смерть — она подводит некую черту. Мы знаем примеры великих грешников, которые жили страшно, скверно, нечисто, а в конце жизни просияли как великие святые. Это мученик Вонифатий, это блаженная Таисия, которая жила благочестиво, потом пала в разврате, но когда к ней пришел один из подвижников и призвал к покаянию, она бросила всё и пошла с ним в монастырь. Она прожила после своего обращения несколько часов и умерла ночью по дороге в пустыню, но так сильно было ее покаяние, что ее спутник видел ее душу, словно звезду, взошедшую на небо.

Туринская плащаница — погребальное полотно, в которое праведный Иосиф Аримафейский завернул тело Христа. В настоящее время хранится в соборе в Турине. Изображение на Плащанице по сути является фотонегативом.

В 1978 году Плащаницу исследовали ученые. Они доказали, что изображение на полотне не является рукотворным. Оно появилось вследствие химического изменения молекул ткани. Причины изменения — ожог. Также удалось узнать, что пятна крови принадлежат человеку (группа AB) и они появились до возникновения на Плащанице самого изображения.

— Многие верят в бессмертие души, но

христиане верят еще и в воскресение тела...

— Да, мы верим, что будет воскресение тела, правда, как это будет — для нас тайна. Даже воскресший Христос являлся своим ученикам таким образом, что они Его не узнавали. Не только Мария Магдалина не узнала, когда пришла ко гробу (она приняла Его за садовника), но не узнали и апостолы, с которыми Он беседовал на протяжении долгого времени по пути в Эммаус! Они не узнали Его, когда Христос явился им на берегу Генисаретского озера, хотя сидели вместе с ним у костра. Написано, что никто не смел спросил у Него: «Кто Ты?» Почему так? Они знали, что это Христос, но не узнавали Его прежним, таким, каким они видели Его в три года совместных странствий. Я так это понимаю.

Поэтому и воскресение после смерти — тайна. Как человек воскреснет? В каких телах будут люди? Кто-то предполагает, что все будут одного возраста. А может быть, тело будет соответствовать состоянию души человека.

— А вообще насколько мы можем рассуждать о том, что нас ждет в будущей жизни?

— Мы можем предполагать на основании Священного Писания, с рассуждением — на основании свидетельств святых или свидетельств тех людей, кто побывал за гранью жизни и смерти и вернулся.

Есть разные образы перехода от этой жизни к другой. Кто-то говорит о весах, на которых взвешиваются дела, кто-то — о мытарствах. Но очевидно, что на языке человеческом невозможно выразить эту тайну адекватно. Этот опыт невозможно передать достаточно понятным образом. И в этом знании нет особой нужды. Можно не расстраиваться: когда-нибудь мы все узнаем, что там, за гранью — никуда от этого не деться.

Скорбь: бывает ли она чрезмерной?

— Можно ли упрекнуть верующих в том, что они плачут на похоронах, скорбят по умершим, несмотря на свою веру в то, что они обязательно увидятся?

— Смерть — это всегда печаль, всегда расставание. Если человек был тебе близок, естественно грустить о расставании с ним. Если это праведный человек, как мама отца Владимира Воробьева, — все равно грустно: ведь его больше нет рядом, чувствуется какая-то пустота, как чувствует отсутствие ноги человек, которому ее ампутировали. Расставание бывает очень трудным...

— А бывает излишняя скорбь?

— Бывает, совершенно точно. Один известный священник, у которого умерла жена, крайне

тяжело это переживал. И старец даже укорил его за это, написал ему, что это грех — христианину не подобает так убиваться.

Я пережил нечто подобное, поэтому могу говорить не теоретически, а исходя из опыта... Сейчас-то я уже привык жить один, но когда умерла моя жена, конечно, мне было очень тяжело. После короткого периода успокоения и радости, так как её кончина была блаженной, хотя и не совсем безболезненной, наступило время тягостного одиночества. Мир в тот момент стал для меня черно-белым, еда потеряла свой вкус, иногда, помню, просто хотелось выть, кричать. Сначала мне сочувствовали, а потом люди быстро привыкли, что моя жена умерла... Не с кем было поделиться своей скорбью — детям высказать ее я не мог. Было страшно больно внутри, страшно одиноко, терзало ощущение оставленности близким человеком — оно, конечно, ужасно...

Поэтому людям, у которых умер близкий человек, конечно, нужна помощь Божья. Мне помогало то, что я стал ходить в больницу. Ведь и праведному Алексию Мечеву, потерявшему супругу, святой Иоанн Кронштадтский сказал: «Будь с народом, войди в чужое горе, возьми его горе на себя и тогда увидишь, что твое несчастье мало, незначительно в сравнении с общим горем; и легче тебе станет». Так и я забывал о своем горе, видя скорбь других людей.

Утешала меня еще вера в то, что супруга моя в Царствии Небесном сподобилась прощения грехов. Старец Павел (Троицкий) писал мне о том, что по ее молитвам многое в моей жизни совершалось впоследствии.

Поэтому, с одной стороны, — это тяжело и трудно, а с другой, у тебя там на небесах есть близкий человек.

— Как лучше вести себя, как утешать человека, если у него умер кто-то из близких?

— Такому человеку нужна некая внутренняя поддержка, которая совершенно необязательно должна быть выражена в словах. Я помню одного

человека, который умирал, и, встречаясь с ним глазами, я чувствовал, что он переживает. То есть существует невербальное общение между людьми. Можно и не говорить ничего, но дать человеку почувствовать свое понимание, соучастие как-то иначе. Эта поддержка выражается интонацией голоса, каким-то особым вниманием, бережным отношением, жестом. Можно так посмотреть на человека, что этого ему будет достаточно: он все поймет. И это очень поможет ему.

— Многим родственникам хотелось бы знать об участи своих умерших. Нормально ли такое желание, можно ли молиться об этом?

— На самом деле, никто об этом не может сказать достоверно, и до Страшного суда это неизвестно. Точно мы знаем участь святых, а об остальных мы можем только предполагать и молиться: «Со святыми упокой».

И потом, если мы узнаем, что им хорошо, что ж, не будем за них молиться? Молиться надо продолжать, чтобы было еще лучше, — это и поддерживает нашу связь с ними и свидетельствует о нашей любви. Мне кажется, главное — молиться и стараться жить так, чтобы содействовать спасению наших близких. Помните, апостол Павел говорит о верующей жене: «Откуда ты знаешь, не спасёшь ли мужа?» Даже если он неверующий. Муж и жена — одно целое, и ясно, что даже когда один из них умирает, некое единство сохраняется. И твои добрые дела, сделанные в память о нем, тоже помогают ему в той жизни. Не просто деньги, брошенные в кружку нищего, а изменение души, духовный подвиг, какое-то доброе дело.

Почему мы такие злые...

Почти каждый, кому приходилось возвращаться на родину из других краев, ощущал на себе этот эффект. Едва ступив на родную землю, ты словноходишь в некую особую ауру. Еще никто не оттоптал тебе ног в метро, ничего плохого не сделал, а тело реагирует. Что-то словно сжимается в солнечном сплетении, едва заметно напрягаются плечи, кисти рук и челюсти. Мы чувствуем, что попали в агрессивную среду. Своим мнением о причинах этого делится психолог Людмила Петрановская.

Наши зеркальные нейроны, считав нечто по лицам, голосам, взглядам, запаху, мгновенно, минуя сознание, приводят тело в состояние готовности к агрессии. Вы сами можете быть сколь угодно мирным и добродушным человеком, но мозг

Любовь сильнее смерти

— Можно ли сказать, что знание о бессмертии души заложено в любом человеке, верующем или неверующем?

— Конечно. Я думаю, в человеке, безусловно, живет несогласие со смертью. Мы созданы для вечной жизни, и это знание заложено в нас. Мы и боимся смерти именно поэтому. Каждый человек в глубине души чувствует, что Бог призвал нас в этот мир для счастья, для радости вечной, а не для какого-то бессмысленного прозябания, а потом — абсолютного уничтожения.

Человек верит, что все у него будет хорошо. Но в этом мире никогда не может так быть: не может здесь существовать полноты счастья, никогда человек не удовлетворит все свои желания, никогда жизнь не будет устроена так, как ему хотелось бы, никому не удастся избежать страдания, — потому что мир искажен грехом. Однако в человеке заложена вера в счастье. Это правильная вера, правильное мироощущение ребенка, воспринимающего мир как сказку. Но созданный Творцом мир лучше, чем сказка, и Бог больше любит человека, чем любят его родители. Человек чувствует душой эту любовь, верит в это...

— Таким образом, можно примириться и со смертью?

— Можно примириться со смертью как с переходом в другую жизнь. Все в этом мире — подготовка к этому предстоящему нам всем переходу. Единственное, что по-настоящему значимо в этом мире, — это любовь, которая нас соединяет. Любовь существует вопреки смерти. И она сильнее смерти.

и тело мгновенно оценивают окружающую среду как небезопасную и приводят бронепоезд на за-

пасном пути в рабочее положение. И наоборот, многие отмечают, что за границей расслабляются, даже если бывают там по работе, несмотря на языковой барьер и непривычную обстановку.

Не забуду, как в командировке по обмену опытом в Англии, мы ехали с английским коллегой по узким улочкам городка, мы спешили, опаздывали на следующую встречу. И тут перед машиной откуда ни возьмись появилась старушенция, бойкий такой божий одуван, с палочкой. И в совершенно неполюженном месте, сердито махнув в нашу сторону тростью, начала переходить дорогу. Завизжали тормоза, натянулись ремни, машина встала, коллега, человек довольно эмоциональный, высунулся из окна. Ну, думаю, сейчас я продвинулся в разговорном английском, узнаю, как будет «Куда прешь, старая карга!». Но он шутливо погрозил ей пальцев и сказал заботливо: «Осторожнее!». Дело не в том, что он был вежлив и сдержался. Я сидела рядом и видела, что он совершенно не был разозлен. Небольшой стресс, но раз все обошлось – то и прекрасно. Вслед старушке он покачал головой, как любящий родитель качает, глядя на непоседливого малыша.

Что мешает нам так же реагировать на неизбежные в жизни неприятные неожиданности, мелкие неудобства, чью-то глупость и неосторожность, столкновение интересов – не из-за чего-то очень важного, а по мелочам? Почему русский интернет полон текстов на тему «Нет, ну вы только подумайте, какие все идиоты (сволочи, быдло, хамы)», несколько таких текстов всегда висят на вершинах рейтингов. Поводом может быть что угодно: дети шумели в кафе, а родители их не заткнули, девушки с недостаточно красивыми, на взгляд автора, фигурами, носят открытую одежду, люди, которые неправильно, на взгляд автора, паркуются (переходят улицу), любят неправильную, на взгляд автора, музыку и т.п. На каждый такой пост приходят сотни комментариев одного и того же содержания: «да, как меня тоже бесят эти уроды!», в ответ на которые приходят ответы «да сам ты урод», и пошло-поехало. Тут дело не в дурных манерах, не в низкой культуре, как часто думают, а в чувствах. Ведь действительно бесит. Ярость вспыхивает внутри легко, как спичка.словно шумные дети или чьи-то голые неидеальные коленки, или провинциал в метро, ошарашено застывший на проходе и озирающийся в поисках указателей, это не просто люди, которые чем-то помешали

или не нравятся – они агрессоры. И им надо дать немедленный жесткий отпор.

Причин у этой ярости много, и они переплетены в такой тесный узор, что не всегда понятно, где кончается действие одного фактора и начинается другого.

Для начала о самой агрессии. Хотя иногда само это понятие воспринимается негативно, да и слова «злость» и «зло» в русском языке однокоренные, в природе агрессия – очень полезное для выживания свойство живых существ. Она предназначена для самообороны, для защиты своей территории и своего потомства, для добычи пропитания (у хищников), для конкурентной борьбы за самку (у самцов). То есть агрессия, хотя и может порой убивать, сама по себе стоит на службе жизни, продолжения рода. При этом природная агрессия всегда очень функциональна и экономна, если на кону не стоит жизнь, используются в первую очередь ее ритуальные формы: угрожающие звуки и позы, силовая борьба без причинения серьезных увечий, обозначение территории знаками и т. д. Чем менее плодовит и чем опасней вооружен от природы тот или иной вид, тем меньше он может себе позволить игры с агрессией. Городские коты могут скоротать вечерок за кровавой дракой, тигры в тайге – никогда.

Человек сам по себе, от природы, животное слабое. Ни зубов, ни когтей. Поэтому вшитых, инстинктивных программ замены драки на ритуалы у него очень мало, чай не тигр. Поэтому людям пришлось самим изобретать себе способы замены прямой агрессии: от ритуалов вежливости до чемпионатов по футболу, от тонкой иронии до процедуры судебного разбирательства, от государственных границ и дипломатии до демонстраций и профсоюзов. Мы агрессивны, и научились с этим жить, и учимся дальше, потому что когда мы теряем контроль над своей агрессией, это бывает страшно, примеров в истории немало.

Но та разлитая агрессия, о которой мы начали разговор, не похожа на агрессию на страже жизни. Это разлитая «агрессия вообще», никуда и ни с какой конкретной целью, а значит, везде, всегда и по любому поводу, агрессия невроза, одно из определений которого: «регулярная неадекватная эмоциональная реакция на обстоятельства, вызванная психотравмой или дистрессом (длительным, постоянным стрессом)». То есть буквально то, что мы имеем: реакция, явно неадекватная

причине, буря в стакане воды, бешенство из-за мелочей.

Что же за психотравма, что за дистресс стоит за этим явлением?

То, что лежит на поверхности – это постоянные мелкие и не очень ограничения в правах. Простой пример: на всех вокзалах у нас теперь стоят на входе металлодетекторы. ОК, страна живет с постоянной угрозой терроризма, пусть так. В Израиле, например, тоже везде стоят. Но. Там при этом все действительно тщательно проверяют. И если у тебя «звенит», никуда ты не пойдешь, пока сотрудники полиции не поймут, что. При этом рамок ставят столько, сколько помещается, работают на досмотре сумок, не покладая рук, очень стараются, чтобы побыстрее. Очередь терпеливо ждет: потому что видно, что это все серьезно и имеет смысл. Что у нас. Широкий вход в вокзал. Посреди стоит одна рамка. Остальное пространство попросту перегорожено столами или барьерами. У рамки дремлют или болтают трое полицейских. Люди, звеня и гремя, не снимая с плеча сумок, проходят внутрь. Никто и не смотрит в их сторону, пронести можно хоть базуку. Но если вдруг вы поняли, что ошиблись входом, пришли не туда, и захотите выйти обратно – вас не выпустят. Потому что выход – там. Где там? А вот там, в двухстах метров. Которые вам предстоит, с детьми ими чемоданами, преодолеть сначала туда – до разрешенного выхода, а потом обратно – до той точки, в которую вам надо вернуться. Возможно, опоздав при этом на свой поезд. Почему? Потому что так, и все.

Ограничения, не имеющие под собой никакой разумной основы, конечно, злят. Перекрытие дорог и пробки при проезде первых лиц, закрытие центральных станций метро в выходной, чтобы

помешать акциям оппозиции, требование принести с собой бахилы в больницу и школу, даже дорожки, которые почему-то всегда прокладывают не там, где людям удобно ходить – все это создает постоянный фон дистресса, как будто тебя ежеминутно «ставят на место», дают понять, что ты никто и звать никак. Это особенность общества, выстроенного сверху вниз, по вертикали: здесь права и возможности не принадлежат людям по определению, их спускают сверху. Сколько и каких считают нужным. Здесь у человека нет «своей территории» в принципе, а значит, нет и границ, которые можно было бы охранять. У него в любой момент могут потребовать документы, ему диктуют, где он может и где не может находиться, к нему могут попытаться войти в дом, чтобы проверить, как он растит детей, – он себе не принадлежит. Границы не то чтобы нарушены – они проломлены и стертые очень давно.

Представим себе, что человек решил использовать природную здоровую агрессию, чтобы отстаивать свои границы, когда их кто-то нарушает. Возмутиться, отказаться выполнять дурацкие требования, написать жалобу, подать в суд, наконец. Выясняется, что в вертикальном обществе это почти невозможно. Сами процедуры отстаивания своих прав, если они и есть, очень невнятные и громоздки. Допустим, я хочу, контролируя свою агрессию, то есть цивилизованными методами, отстоять свое право выходить из метро в собственном городе в выходной день там, где мне удобно. На кого мне подавать в суд? На администрацию метрополитена? На полицию? На мэрию? Кто принимает решения и кто может их отменять? Это всегда довольно сложно бывает выяснить. Но даже если я все же подам, меня ждет непредсказуемая по временным затратам волокита: заседания бесконечно могут переносить и отменять. А если суд и состоится, каковы мои шансы его выиграть? При нашем-то правосудии?

Хорошо, попробуем другой путь. Я хочу явочным образом, мирно и ненасильственно, осуществить свое право. То есть все равно пойду, хоть и не велят. Вежливо, никого не обижая. Просто мне тут удобней, тут специальное место для выхода, я заплатил за услуги метрополитена и хочу их получить в полном объеме, доехав куда мне надо, не куда дозволено. Чем закончится? Скорее всего, задержанием и судом, исход которого тоже предопределен. И даже собственные друзья и со-

служивцы меня могут осудить: зачем лез, раз не положено? Самый умный?

То есть что получается: практически все наработанные человечеством мирные способы отстаивания своих границ и прав, в вертикальном обществе перекрыты. Мы не можем сменить власть, не можем добиться снятия с должности виновного в нарушении наших прав чиновника, у нас нет возможности воспрепятствовать принятию нарушающих наши права законов и решений. Попытки реализовать свои права явочным порядком автоматически считаются преступлением, и всегда найдется какой-нибудь «закон», по которому мы же окажемся и виноваты.

Но границы-то проломлены! Мы задеты. Мы чувствуем стресс. Агрессия возникла, она не испарится в никуда. Не имея возможности быть отработанной «по существу вопроса», она, как пар, прижатый сверху крышкой, требует выхода.

Выход разные люди находят разный.

Один из самых частых – перевод агрессии вниз. То есть, получив хамский нагоняй от начальства, нагрубить подчиненному. Выслушав нападки учительницы, отлупить ребенка. Мой сын, впервые самостоятельно совершая далекое путешествие, совершал посадку в аэропорту Франкфурта, огромном, как целый город. «Но я – рассказывал он – быстро нашел свой самолет на Москву. Надо просто идти туда, где родители кричат на детей». Привычка любой стресс (а авиаперелеты – всегда стресс) сливать вниз по иерархии, на более слабых, на детей, вместо того, чтобы заботиться и снижении стресса для них – типичное, к сожалению, поведение наших соотечественников.

Существуют целые системы, где агрессия идет постоянным потоком сверху вниз: начальство орет на директора школы, она на учителя, учитель за восьмиклассника, тот отвечает пинка первоклашке. Можно ли ожидать, что, например, сотрудник опеки, которого начальство по телефону только что покрыло матом (реальность, увы) что-то с полученной порцией агрессии быстро сделает и встретит посетителя с улыбкой на лице?

Следующий способ тоже очень частотный: перенаправить агрессию по горизонтали. То есть, проще говоря, злиться на всех вокруг. Любого и каждого, кто вольно или невольно встанет поперек. Но выбор этот тоже чреват: если злиться постоянно и на любого, быстро приобретешь репутацию вздорного человека с плохим характером.

И сам себе не будешь нравиться. Поэтому есть хороший вариант: злиться не на всех подряд, а на иных. Неважно, чем иных: манерами, поведением религией, национальностью, полом, особенностями фигуры или речи, имеющих (не имеющих) детей, жителей столицы (провинции), образованных (необразованных), смотрящих ТВ (не смотрящих ТВ), ходящих на митинги (не ходящих на митинги). В ход идут аргументы, строятся длинные и стройные системы доказательств почему испытывать и проявлять агрессию по отношению к ним хорошо и правильно. Находятся единомышленники, и вот уже можно «дружить против», заодно удовлетворяют свое чувство принадлежности. Неудивительно, что эта игра в «свой-чужой» как способ перенаправления агрессии очень популярна.

Наконец, можно перенаправить агрессию тоже вверх, но не туда вверх, откуда пришел задевший тебя импульс, это, как мы уже говорили, или невозможно, или опасно, а куда-то там вверх. Как говорится, выстрелить в воздух. Например, ненавидеть «начальство вообще». Ругать власти, не предпринимая ни одной попытки отстоять свои права. Еще хорошо получается ненавидеть правительство другой страны. Это просто, безопасно и очень духоподъемно. Как в старом советском анекдоте: у нас свобода слова, каждый может выйти на Красную площадь и обругать президента США.

Самым одобряемым и «интеллигентным» (а также «христианским») вариантом является попытка погасить агрессивный импульс на себе. Лечь на гранату агрессии, накрыв ее собой. Одно плохо – делать это долго не удастся никому. Пусть не за один раз, как граната, но за несколько лет проглатываемая усилием воли агрессия разрушает тело, оборачивается болезнями и выгоранием. Человек или уступает требованиям среды и начинаете исправно, как все, быть проводником агрессии

сверху во все стороны, либо научается не чувствовать, усваивает ту самую искусственную «добренность», которая часто так раздражает в людях, подчеркнуто «культурных» (или подчеркнуто верующих).

Надо быть святым, чтобы поглощая агрессию, не разрушаться и не передавать дальше, а святыми, как известно, поле не засеяно.

Впрочем, и этим дело не исчерпывается. Перенаправить-то агрессию можно. Но при этом ты знаешь: ты проблему-то не решил. Нарушенные границы никуда не делись. Ты не защитил себя, своего ребенка, свою территорию, свои права. Стерпел, проглотил. И за это ты ненавидишь и презираешь самого себя. А значит, каждый, вроде бы пустяковый акт нарушения твоих границ (подростки ночью орут под окном), для тебя не просто неприятность и безобразие (спать не дают), это вопрос, который звучит в голове с издевательски-глумливой интонацией: «Ну, и что ты сделаешь? Ты, кто ни на что не способен? Ты, ничтожество?».

Опыта решать такие ситуации нет, отработанных технологий защиты границ нет, даже самих границ нет почти. Страшно. Сложно. Непонятно как. И десятки людей ворочаются в кроватях, матерятся и клянут «этих уродов», но ни один не спустится вниз, чтобы попросить их вести себя тише и ни один не позвонит в полицию, чтобы вызвать дежурный наряд. Потому что: а вдруг они агрессивны? А если они не послушают? Да разве полиция приедет? Да и вообще, что мне больше всех надо, другие же терпят.

Парадокс в том, что на самом деле мы имеем дело не и избытком, а с дефицитом агрессии, здоровой агрессии, способной защитить. Многолетняя привычка пускать эту энергию в боковые русла приводит к тому, что в самой явной, оче-

видной ситуации, когда нам нужно отстоять свои границы, защитить покой свой и своих близких, мы бессильно злимся и ничего не делаем. Заранее решив, что это невозможно, хотя подростки под окном – это не полицейское государство и, в общем, можно было бы попробовать.

Вспоминается случай: летом по ночам кто-то регулярно катался под окнами на громко тарахтящем мопеде. Мы ворочались, злились, смотрели в окно, долго не решались спуститься вниз. В голове крутились фантазии о том, как наглый хозяин мопеда, моральный урод, специально ездит именно по ночам, упивается своей властью над целым микрорайоном, которому он не дает спать и никто ему ничего не может сделать. Наконец пошли во двор – спать хотелось невыносимо. Уже порядком злой, мой супруг просто встал на пути мопеда и когда тот затормозил, схватил нашего мучителя за шиворот. И тут мы услышали перепуганный голос: «Дяденька, не бейте меня, пожалуйста!». «Моральным уродом» оказался щуплый пацаненок лет 13, который сбивчиво объяснил, что катается по ночам просто потому, что у него прав нет, а про то, что в квартирах так слышно, он просто не подумал: напротив, был уверен, что раз ночь, все спят и никто не узнает. Ну, и понятно, что там за родители, которые не переживали, где ребенок в два часа ночи. Подхватил свой мопед и ушел кататься на пустырь. Мы ему крикнули вслед, чтоб осторожно ездил. Было и смешно, и стыдно за себя и свои фантазии о ком-то крутом и злонамеренном.

Вот тут содержится причина более глубокая и серьезная: неверие в свои силы, сознание своей трусости, презрение и ненависть к себе, неспособному к самозащите, делает каждый случай стократ более болезненным. Чтобы выйти из состояния ничтожества, люди вновь используют агрессию – как способ почувствовать хоть на время свою силу, свое существование. К любой агрессии сверху всегда находятся желающие присоединиться и громко «поддержать» (иногда громче и активнее, чем даже сам агрессор), как будто это символической слияние с «сильным» дает им индульгенцию от ничтожества. И потоки перенаправленной агрессии не иссякают и безудержно плещутся вокруг.

Что же делать? Прежде всего, осознавать все это. Осознавать что позиция вечной жертвы – это вовсе не позиция миролюбия и «доброты». Это

позиция пассивной, бессильной агрессии, которая разрушает и нас самих, и ткань общества, потому что когда все вокруг «уроды» - какая тут может быть социальная ткань?

Осознавать, что позицию эту мы занимаем во все не только потому, что нас в нее загнали, но и по собственному выбору. Она выгодна, при всех минусах, не предусматривает никаких действий и никакой ответственности. Сидеть и привычно злиться на все и всех просто и удобно.

Но если мы хотим когда-нибудь перестать слышать вопрос «А почему в России все такие злые?» и перестать «наслаждаться» разлитой повсюду

Вставай на смертный бой!

Невиданным проявлением глобального кризиса была Вторая мировая война. Она охватила все континенты Старого Света и Океанию, распространившись на 22 млн. кв. км и втянув три четверти населения земли. На территории 40 государств под ружье было поставлено 110 млн. человек. Военная техника приобрела колоссальную разрушительную силу, плотность ее огня была чудовищной. Апофеозом войны стали сброшенные на мирные города Японии две атомные бомбы. Гражданское население уничтожалось в гигантских масштабах.

Вторая мировая война началась как империалистическая война за передел мира, но после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз она одновременно приобрела социально-классовую направленность, ориентированную на уничтожение социалистического строя в СССР. Главные агрессоры Италия, Япония, и особенно Германия, вынашивали планы установления своего мирового господства, стремились сокрушить национальную независимость своих противников, превратить их население в своих рабов. Перед народами встал вопрос быть или не быть. Гитлеровцы разработали план уничтожения 30 млн. славян.

В итоге второй мировой войны погибло 50 млн. человек, в том числе СССР потерял 27 млн., Англия - 375 тыс., Италия - около 400 тыс. США - 405 тыс. человек. Безвозвратные потери военнослужащих Советской армии составили 8,7 млн человек.

Решающую роль в спасении человечества от кровавой поступи германского фашизма и

бессильной злобой, нам нужно вернуть себе свою агрессию, свою здоровую злость, свою способность за себя постоять. Вспомнить или создать заново технологии отстаивания своих границ, научиться не бояться говорить: «Я не согласен, мне это не подходит», не бояться «высовываться», научиться объединяться с другими, чтобы отстоять свои права. Не случайно, например, многие отмечают, что толпа людей на протестных митингах, как ни странно, оказывается гораздо более дружелюбной, вежливой и веселой, чем толпа в метро в час-пик. Когда люди осваивают цивилизованный способ выразить свою агрессию прямо по адресу, им не за что злиться на окружающих.

японского милитаризма сыграла Великая Отечественная война. Именно в ее горниле были перемолоты ударные силы агрессоров. Достаточно сказать, что на полях советско-германского фронта было уничтожено более 75% живой силы противника и до лета 1944 года было приковано 95 % войск Германии и ее союзников.

Блицкриг дословно можно перевести как «молниеносная война». До нападения на СССР блицкриг был успешно осуществлён и применен на практике германскими военными против ряда стран. Например, при захвате Польши и Франции. Кампания во Франции у нацистов заняла лишь 44 дня, а Польшу удалось захватить всего 36 суток.

Советский Союз Германия планировала захватить менее чем за полгода – за 150 дней. Для этого был разработан план «Барбаросса».

И если в начале войны стратегия блицкрига действительно позволила нацистской Германии быстро разбить советские войска и пройти вглубь страны, то в последствии план с треском провалился. Во первых, немецкое командование сильно недооценило противника, а во вто-

рых, не учло, что большая территория СССР давала возможность Красной Армии для манёвра и отступления.

В результате планируемая молниеносная война превратилась в затяжную на 4 долгих года.

Во время Великой Отечественной войны в Красной Армии воевало порядка 34, 5 млн человек. За 4 года военные потери составили 8,7 млн. Таким образом, с фронта не вернулся каждый четвертый солдат.

Во время Великой Отечественной войны СССР подвергся сильным разрушениям.

За 4 года войны было разрушено 1,7 тыс городов, более 170 тысяч деревень и колхозов. Была уничтожена и значительная часть жилого фонда. Кров потеряли около 25 млн. человек.

Кроме того, было разграблено и уничтожено более 30 тысяч заводов и фабрик, и почти 3 тысячи машинно-тракторных станций.

Общая стоимость материального ущерба от военных действий составила 357 миллиардов долларов, т. е. порядка 30% от национального богатства СССР.

Традиционно считается, что у «войны не женское лицо», но в РККА было не мало женщин, которые воевали наравне с мужчинами. Призыв женщин в армию начался весной 1942 года, после того как в самом начале войны советская армия понесла значительные потери. Женщины служили в качестве связисток, врачей и медсестер, в войсках ПВО, ВВС, ВМФ, железнодорожных и танковых войсках. Встречались представительницы прекрасного пола и среди снайперов, разведчиков и партизан. Но, наибольшую известность получили участницы женских авиаполков, которых прозвали «ночными ведьмами». Исследователи отмечают, что в рядах Красной Армии служило около миллиона женщин. Получили звание Герой Советского Союза восемьдесят семь женщин.

За время Войны в Советском союзе было произведено около 870 тысяч единиц боевой техники: из них 120 тысяч самолетов, 90 тысяч - танков, 360 и 300 тысяч - пушек и минометов.

Несоизмеримо огромную цену заплатили народы СССР в той войне. Вопрос стоял не только о существовании власти в стране, как таковой, но о будущем народов её населявших. Именно поэтому, осознавая то, что особого выбора

нет, патриотический порыв вёл всё новые и новые волны молодых людей на фронт. Им, как и нам хотелось жить, о чем-то мечтали... Проклятая война внесла свои жесткие ориентиры в их судьбу. Вчерашние школьники стали бойцами, не дававшими спуску немецко-фашистским захватчикам. Благодаря гражданскому мужеству и верности долгу страна выстояла и за короткий период смогла восстановить себя.

Десятки миллионов наших соотечественников положили свои жизни на алтарь Победы. Прославляя нашу Победу и победителей, мы не только отдаём дань памяти погибшим, которые спасли мир от тоталитарного порядка. Прославляя нашу Победу и победителей, мы утверждаем великий христианский принцип: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». (Ин. 15, 13).

Наш святой долг - не предать этот главный закон жизни забвению, не предать память о тех, благодаря которым и мы с вами живем на Земле. И пусть в наших сердцах непрестанно живёт и горит апостольское слово: «Сия есть победа, победившая мир, - вера наша» (1 Ин. 5, 4). Но истинная, настоящая вера действует только любовью и является в только в жертвенной любви. Без этой несокрушимой веры - уверенности, и без любви жертвенной победа не была бы возможна. Эта уверенность оказалась способной дать человеку силы для беспремерных, нечеловеческих подвигов.

Один фашистский офицер вспоминает о битве под Сталинградом: «У нас было всё для того чтобы стереть с лица земли этот город. Перевес в танках, артиллерии в численности войск. Мы занимали все ключевые высоты. У нас было всё для их уничтожения. Но русские сражались яростно! Откуда, откуда такой боевой дух в стране сталинских концлагерей, заполненных русскими?» Но этот фашист не находит ответа.

Итак, что же это за победоносная уверенность, способная всё преодолеть? Победить можно только торжествующей верой в то, что жизнь сильнее смерти, любовь сильнее ненависти. Победить можно только тогда, когда уверен - моя любовь, моя жертва обязательно принесет победу, ведь последнее слово всегда только за истиной: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя.

Смешное рядом

Я вычитала где-то, что для спройности ног нужно делать упражнение «велосипед». Ночь. Мой муж и дети уже давно видят десятый сон, я укладываюсь в постель и вдруг вспоминаю, что не мешало бы и позаниматься. Лежу на спине, кручу воображаемые педали. В темноте ошарашенный голос мужа:

- И куда это ты на ночь глядя поехала?

Чтобы что-то не купить, ума и опыта всегда требуется больше, чем это же купить.

Купил надувную кровать. В инструкции на дюжине языков написано:

- Не использовать при купании!!!

И только на русском:

- При купании держитесь за боковые ремешки!

Для того, чтобы похудеть, вовсе не обязательно сидеть на диете. Просто надо есть все овощи и фрукты... И неважно какие! Главное - немытые!

Раньше младшие братья получали от старших старые игрушки. А теперь аккаунт от игрушки...

Никогда не покупаю шаурму в ларьках, делаю дома. Получается, как настоящая, даже пару раз отправился.

Маршрутка - единственное место в России, где финансовый поток может пройти трех и более посредников и никто не возьмет откат!

Экскурсия

В прошлые выходные, на излете бабьего лета решила моя дочь с мужем съездить на экскурсию в Болдино - насладится золотой осенью в Пушкинских местах. Группа экскурсантов собиралась ранним утром на площади Горького в Нижнем Новгороде - большинство народ молодой. К автобусу подошла старушка, обыкновенная, платочком повязанная, лет под девяносто:

- Бабушка, а вы куда?

- Да туда же, куда и вы - на экскурсию!

Экскурсовод, радостно улыбаясь, встретила ее, как старую знакомую:

- Здравствуйте Раиса Ивановна!

Экскурсия шла прекрасно, все всем нравилось, старушка бодро шагала вместе со всеми, набрала воды из святого источника в роще рядом с Болдино, а после обеда в гостиничном комплексе весело заявила, что если бы еще "грамм 50, совсем хорошо бы было"! На вопрос, почему это бабушка в столь почтенном возрасте ударилась в туризм, она сказала вот что...

Лет мне уже 85, а несколько годов назад врачи сказали, что у меня страшная болезнь и жить мне всего несколько месяцев. А я одинокая совсем, не нужна никому... Ну, вот чтобы не мучаться, решила я

с жизнью покончить. И придумала броситься вниз с Нижегородского лыжного трамплина - вышка там 50 метров! Как я туда залезла, почему никто не остановил - не знаю... И вот поднялась я на верх - а вид оттуда! Чудо! Красотища! Стою, гляжу на город внизу, и понимаю что даже в своем городе ничего не видела и не знаю ничего... И вдруг передумала помирать.

Спустилась вниз... Стала по родному городу бродить, все рассматривать, по музеям, Кремлю... Съездила потом в монастыри соседние, дальше больше - сейчас почти всю Россию объездила... Меня как постоянного клиента все экскурсионные бюро знают! А недавно врачи сказали - нет у тебя никакой болезни, вылечилась ты, бабушка! Так что любовь к жизни - лучшее лекарство!

Учредитель: Православный приход во имя прп. Серафима Саровского, 694030 г. Анива, ул. Дьяконова, д. 19; anivaprihod@mail.ru

Главный редактор: настоятель прихода протоиерей Димитрий Юзеев
Редакция, дизайн, компьютерная вёрстка: Серафима Курбатова

Отпечатано: Православный приход во имя прп. Серафима Саровского

Тираж: 300 экз. **Мы в интернете:** www.aniva.prihod.ru и www.vk.com/anivahram

Просим не использовать газету в хозяйственных целях - она содержит священные изображения. Прочитанную газету можно подарить знакомым, а пришедшую в негодность - сжечь. Архив газеты имеется в библиотеке храма.